
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Путь исследователя: оценка современника¹

Рецензия на книгу: Ханин Г.И. (2020) Сочинения в двух томах. М.: Товарищество научных изданий КМК.

С.Н. СМИРНОВ*

***Сергей Николаевич Смирнов** – доктор экономических наук, заведующий Центром анализа социальных программ и рисков, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН. Адрес: 109074, Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2. E-mail: socpol@hse.ru

Цитирование: Смирнов С.Н. (2021) Путь исследователя: оценка современника // Мир России. Т. 30. № 2. С. 180–194. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-180-194

В течение всего периода существования СССР альтернативные оценки советской экономики и ее перспектив были весьма небезопасны, однако степень рисков различалась. Если в 1930-е годы за несоответствующие с генеральной линией партии взгляды можно было поплатиться жизнью, как это произошло, например, с Н.Д. Кондратьевым и А.В. Чаяновым, то в относительно либеральные постсталинские времена в арсенале судей остались лишь отказы от утверждения диссертаций специалистов. Так произошло с экономистом Г.И. Ханиным, первая кандидатская диссертация которого была отклонена ВАКом. До перестройки его имя было известно лишь профессионалам, однако после публикации в 1987 г. в журнале «Новый мир» подготовленной в соавторстве с В.Г. Селюниным статьи «Лукавая цифра» Г.И. Ханин вошел в число тех экономистов, имена которых стали хорошо знакомы читающей публике. Научный багаж автора, накопленный за шесть десятилетий творческой деятельности, обширен и достаточно компактно представлен в книге «Сочинения в двух томах». Особый интерес вызывают его работы, посвященные экономике и кризисам в новой России, прогнозам и альтернативам ее дальнейшего развития, а также честные воспоминания экономиста, включенные во второй том.

Ключевые слова: экономическая статистика, экономические реформы, Г.И. Ханин, социализм, мемуары, экономический прогноз

¹ Рецензия написана в рамках гранта РФФИ №19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)».

Восьмидесятые, подарившие надежду

Казалось, это было вчера: свободная печать, вернувшиеся имена, отсутствие закрытых тем для обсуждений, борьба идей, жаркие дискуссии, причем не столько литературные, сколько общественно-политические, значимые для будущего развития существовавшего на тот момент СССР. До сих пор не смирившиеся с приговором, который вынесла история советской социально-политической системе, ищут виновных в ее крахе. Называются как конкретные исторические личности (в большинстве своем уже ушедшие и немногочисленные здравствующие), так и издания, за которыми у критиков твердо закрепилось пренебрежительное название «перестроечных». Не избежала подобных оценок и опубликованная во входящем в данную категорию изданий журнале «Новый мир» статья В.Г. Селюнина (1927–1994) и Г.И. Ханина «Лукавая цифра»². В ней авторы убедительно развенчали мифы о якобы благополучной экономической ситуации в стране, сконструированной государственной статистикой. Этот небольшой, двадцатистраничный, материал сыграл очень важную роль, став своеобразным импульсом начала свободной экономической полемики, недоступной во времена СССР, как минимум с конца 1920-х гг.

Действительно, нельзя же считать полноценным обменом мнений состоявшуюся в ноябре 1951 г. дискуссию, на которой обсуждался макет учебника «Политическая экономия». Той дискуссии были присущи три особенности, не свойственные свободным диспутам. Во-первых, не подвергалась сомнению базирующаяся на идеологических установках экономическая система, созданная в Советском Союзе. Во-вторых, существовал верховный судья – *deus ex machina* в лице И.В. Сталина, мнение которого было окончательным и бесповоротным. В-третьих, хотя 1937 г. остался в прошлом, некоторые участники дискуссии, не согласившиеся с мнением вождя, пострадали. И если В.Г. Венжер (1899–1990) и его жена, доцент экономического факультета МГУ А.В. Санина (1902–1981), отделались легким испугом (последняя вынуждена была оставить преподавание), то работник Госплана СССР Л.Д. Ярошенко (1896–1995), который «перекликается с Бухариным» [*Сталин* 1952, с. 168], был арестован и успел побывать на Лубянке, в Лефортово и Бутырке³.

Да и в относительно демократические времена сторонники альтернативных методов управления в экономике неоднократно подвергались преследованиям. Одним из ярких примеров является судьба умершего в тюремной больнице И.Н. Худенко (1918–1974), организатора экономических экспериментов в сельском хозяйстве Казахстана (совхозы «Илийский» и «Акчи») [Белкин, Переведенцев 1987].

В 1987 г. именно «Новый мир» стал, наверное, самым «экономическим» журналом в стране, не считая профильных изданий, таких как «ЭКО» и «Вопросы экономики». После публикации статьи «Лукавая цифра» практически в каждом номере журнала стали печататься экономические эссе и письма на злобу дня. Экономисты

² «Статья “Лукавая цифра” – один из идеологических фугасов, которые команда разрушителей во главе с Горбачевым и Яковлевым обрушила на головы неподготовленных и наивных советских читателей» // <https://comforum.forum-top.ru/viewtopic.php?id=92>

³ Освобожден в декабре 1953 г., после смерти вождя.

Л.И. Пияшева (1947–2003), писавшая под псевдонимом Л. Попкова, О.Р. Лацис (1934–2005), Н.П. Шмелев (1936–2014), Н.Я. Петраков (1937–2014), В.Г. Селюнин и Г.И. Ханин оказались в числе самых востребованных публицистов. И неизвестно, что больше привлекало тогдашнюю полумиллионную армию подписчиков журнала – запрещенные ранее произведения⁴ или же публицистика экономистов. Год спустя расширенный вариант статьи при содействии О.Р. Лациса был опубликован в ведущем партийном журнале страны «Коммунист» [Ханин 1988].

И это действительно были споры, причем постепенно выходявшие за идеологические границы. Точнее, они присутствовали на индивидуальном уровне, когда те или иные экономисты не соглашались с наиболее радикально настроенными коллегами. Так, с Л.И. Пияшевой спорил О.Р. Лацис, а с ее утверждением, что «<...> там, где есть социализм, места рынку и либеральному духу нет и <...> быть не может. <...> В условиях плановой экономики закон стоимости с плюсом работать не может, социализм не совместим с рынком» [Попкова 1987, с. 239] категорически не соглашался отразивший фактически официальную точку зрения С.С. Шаталин (1934–1997): «Полностью принять “рынок” – это значит перейти к капиталистической экономике, этого не будет, так как наши и политические, и социальные задачи совсем другие» [Точка зрения 1987].

Во всех этих дискуссиях просматривалось единственное ограничение: фигура основателя СССР В.И. Ленина пока не подвергалась открытой критике – такая возможность появится в недалеком будущем. А в том же 1987 г. один из апрельских номеров «Огонька» вышел с портретом основателя советского государства на обложке: левая часть его лица, смотрящего на читателя, была покрыта «пылью», а с правой эта «пыль» была стерта.

Выход экономических споров из кабинетов в массы был обусловлен тем, что расхождения между цифрами, звучавшими на съездах и пленумах ЦК КПСС, публиковавшимися Госкомстатом в сборниках «Народное хозяйство СССР» и комментировавшиеся в СМИ, не вызывали доверия. Они никоим образом не проецировались на повседневную жизнь людей, которые сталкивались с дефицитом продуктов питания и промышленных товаров, стояли в реальных и виртуальных (на приобретение автомобилей, мебели, ковров и т. п.) очередях. Информация о грандиозных успехах в техническом перевооружении народного хозяйства проходила мимо конечного потребителя – гражданина страны, по-прежнему не видевшего товарного изобилия.

Да и само качество технического перевооружения вызывало массу вопросов. Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков, занимавший этот пост в 1985–1991 гг., отмечал, что только 29% серийно производимой в стране машиностроительной продукции соответствует мировому уровню [Смирнов 1988, с. 42]. Постепенно экономисты пришли к убеждению, что в границах существующей экономической системы, нарушение которых было невозможно в условиях идеологических ограничений, решить проблему дефицита невозможно. Автор рецензии писал тогда: «<...> Вот они – производительные силы – парк оборудования, кадры машиностроителей: но использовать в полной мере мы их не можем, поскольку

⁴ В 1987 г. в «Новом мире» были напечатаны «Степан Сергееч» А.А. Азольского, «Зубр» Д.А. Гранина, «Котлован» А.П. Платонова, стихи И.А. Бродского, Н.А. Клюева, Б. Чичибабина.

не можем перестроить свои производственные отношения в данной области (подчеркнем: пока не можем)» [Смирнов 1988, с. 45].

Девяностые, разделившие Россию

Романтическое единение многих специалистов, основанное на осознании необходимости отказаться от прежней, не доказавшей на протяжении семи десятилетий своей эффективности экономической модели, было разрушено очень скоро – практически в самые первые месяцы экономической реформы, которая стартовала с освобождением цен 2 января 1992 г. Переход со стадии теоретических обсуждений на стадию принятия управленческих решений дался не всем, причем не только представителям умеренного крыла реформаторов, но и многим чистым рыночникам. Та же Л.И. Пияшева не вошла в команду реформаторов, а стала заведующей кафедрой Всесоюзного заочного политехнического института, консультируя членов Совета Федерации. Ее попытки избраться в Государственную Думу и в Московскую Городскую Думу оказались неудачными. Откликаясь на ее смерть в 2003 г., будущий первый заместитель председателя Правительства России А.Р. Белоусов отметил, что «<...> Лариса Пияшева принадлежала к романтикам перестроечной поры, которым было невозможно вписаться в последующую действительность», а политолог А.В. Макаркин, используя практически те же самые определения, добавил, что «<...> Лариса Пияшева была истинным романтиком рынка. Видимо, поэтому в наше прагматичное время она не сделала большой государственной карьеры. И просто не смогла вписаться в чиновничье сообщество московской власти, где она какое-то время работала»⁵. Аналогичная во многом судьба ждала и экономиста Г.Х. Попова, который ушел с поста мэра Москвы в июне 1992 г. из-за несогласия с экономическим курсом, проводившимся «правительством реформ». Лишь спустя почти три десятилетия (в 2011 г.) он был назначен на чисто номинальную должность советника мэра Москвы, которую занимает на общественных началах⁶.

На политическую карьеру не претендовали и авторы «Лукавой цифры». К сожалению, рано ушел из жизни первый из соавторов – В.Г. Селюнин, но второму – Г.И. Ханину – была суждена активная творческая жизнь. И здесь он тоже выступил на первых ролях: у автора только что изданного двухтомника в новейшей истории России, кажется, не было предшественников. Дело в том, что, помимо его собственных работ, опубликованных в основном первом томе, значительная часть второго тома содержит полноценные «Воспоминания экономиста» с детства до настоящего времени на фоне и в контексте ситуации в стране в целом и ее экономике в частности.

Чтобы быть объективным, замечу, что в далеком 1983 г. была издана экономическая повесть Д.В. Валового (1927–2019) «Поиск», в которой автор, в то время заместитель главного редактора газеты «Правда» (а до этого – «Экономической

⁵ Умерла Лариса Пияшева (2003) // GZT.ru. 22 апреля 2003 // <https://web.archive.org/web/20090730052455/http://www.gzt.ru/topnews/politics/25590.html>

⁶ Экс-мэр Москвы Попов назначен советником Собянина (2011) // Известия. 26 сентября 2011 // <https://iz.ru/news/501875>

газеты», также органа ЦК КПСС), описал жизненный путь экономиста [Валовой 1983]. Но все-таки эта работа была совершенно иной. Во-первых, «Поиск» претендовал на художественный стиль произведения. Во-вторых, в 1983 г. было меньше возможностей называть вещи своими именами, впрочем, у этого занимавшего вполне официальные позиции автора такой необходимости и не было. В-третьих, критика персоналий, тем более обласканных советской властью, не допускалась. Уже в новой России Д.В. Валовой, писавший в том же ключе, опубликовал еще несколько произведений, названия которых свидетельствуют о его негативном отношении к экономическим реформам в стране [Валовой 2002; Валовой 2017].

Десятилетия, сохранившие личность

Читая рецензируемый двухтомник, вне зависимости от того, разделяешь ли позицию автора или же, наоборот, хочешь яростно спорить с ним, проникаешься глубоким уважением к Г.И. Ханину. Он один из немногих экономистов, которые не прогибались под властью – советской или современной российской. Отстаивание своих убеждений было нелегким для специалиста, не раз сталкивавшегося с проявлениями антисемитизма, импульс которому был дан в конце сталинской эпохи и на административном уровне оказался на редкость живуч. Еще в начале перестройки, весной 1985 г., за два года до публикации уже написанной статьи «Лукавая цифра», Г.И. Ханин, в очередной раз искавший работу в Новосибирске, но так и не нашедший ее, пришел к выводу: «<...> Становилось ясно, что мои политические грехи плюс национальность в Новосибирске стали непреодолимой преградой для более-менее престижной работы» [Ханин 2020, т. 2, с. 173]. В итоге ученый в течение года преподавал географию в одной из школ г. Бердска (Новосибирская область).

В приведенной цитате важен еще один момент, политический. Специалисты, занимавшие позиции, отличные от официально предписанных, и имевшие смелость публично отстаивать их, так или иначе преследовались властями. Г.И. Ханин давал альтернативные оценки советской экономики уже в относительно либеральные времена, а потому ему не грозила судьба осужденных в 1930 г. по сфабрикованному делу «Трудовой крестьянской партии», а впоследствии расстрелянных экономистов Н.Д. Кондратьева (1892–1938), А.А. Рыбникова (1877–1938), А.В. Чаянова (1888–1937), Л.Н. Юровского (1884–1938). Тем не менее перпендикулярный своими исследованиями официальной статистике Г.И. Ханин был наказан, правда, в иной, как мне кажется, вполне иезуитской форме. Дело в том, что его первая кандидатская диссертация «Некоторые методологические вопросы централизованного планирования социалистической экономики», которая была защищена в марте 1968 г., спустя полтора (!) года не была утверждена ВАКом. Трудно не согласиться с автором, что в данном случае свою роль сыграл именно идеологический фактор: после известных событий в Чехословакии разговоры о рыночной экономике в СССР, мягко говоря, не поощрялись [Ханин 2020, т. 2, с. 155–157]. Вторая кандидатская диссертация Г.И. Ханина на нейтральную тему «Современные фондовые биржи капиталистических стран» была написана и успешно защищена спустя пять лет в 1973 г.

«Воспоминания экономиста» привлекают внимание читателя описанием профессиональной активности автора не только в годы, когда эта деятельность могла рассматриваться как диссидентская, подрывающая экономические основы и сеющая неверие в победную поступь советской экономики. Почти 2/3 всего текста посвящены работе ученого в годы перестройки и в течение почти трех десятилетий в постсоциалистической России. И здесь обратил внимание на следующие моменты, делающие чтение увлекательным.

Во-первых, проникаешься энергией автора, творческий потенциал которого кажется неисчерпаемым. Только в 2017–2019 гг. им были опубликованы более двух десятков статей в научных и общественно-политических изданиях [Ханин 2020, т. 2, с. 330–342]. Во-вторых, безусловно привлекательна научная принципиальность автора: это как раз тот редкий случай, когда на чашах жизненных весов перевешивает именно она, а не возможные материальные блага. И тому есть конкретный пример: при формировании правительства Е.Т. Гайдара через А. Ослунда Г.И. Ханину поступило предложение войти в новое российское правительство (по-видимому, в роли руководителя российской статистики). Предоставим слово автору: «Мне были ясны материальные преимущества принятия этого предложения, но и его моральные опасности. Я не разделял экономические взгляды Гайдара. <...> Поэтому я на следующее утро дал отрицательный ответ – и не жалею, при всех сложностях моей последующей жизни в России» [Ханин 2020, т. 2, с. 214–215]. Наконец, в-третьих, обращают на себя внимание оценки, которые дает автор деятелям экономической науки – своим современникам, иногда они весьма суровы, а порой и беспощадны. Но замечу, что они объективны: Г.И. Ханин всегда отмечает те случаи, когда удостоившиеся негативных оценок признают свои ошибки и исправляют их даже спустя много лет. Так, говоря об одном из ныне здравствующих академиков, который в 1972 г. «добился изгнания» автора двухтомника из Новосибирского государственного университета, Г.И. Ханин упоминает об изданной этим академиком в 1989 г. книге о перестройке экономики страны. Сюрпризом для автора стало то, что этот академик, «старый недруг», на первой же странице упомянул, не называя, правда, по имени, своего коллегу, который первым в Академгородке занялся изучением фондовых бирж и которого этот академик тогда, в начале 1970-х гг., не понял. По мнению автора «Воспоминаний экономиста», академику «<...> было нелегко писать эти строки и признавать <...> косвенно свою неправоту по отношению ко мне. Он проявил известное благородство» [Ханин 2020, т. 2, с. 189].

В «Воспоминаниях экономиста» Г.И. Ханин высказывает удивление сдержанностью некоторых занимавших административные посты известных экономистов при полемике вокруг его докладов и результатов расчетов даже в годы перестройки. Будучи честным исследователем, после обсуждения своей докторской в Институте системных исследований он получил ответ на вопрос о поведении академика, слывшего либералом, от одной из его сотрудниц: «Вы не заметили, как он нервничал, во время Вашего выступления? Он прервал дискуссию, когда заметил, каким опасным является доклад» [Ханин 2020, т. 2, с. 177]. Вместе с тем очень много теплых слов Г.И. Ханин адресует тем, кто отстаивал свою точку зрения, не совпадавшую порой с официальной: в их числе социолог В.Э. Шляпентох (1926–2015), экономисты И.Я. Бирман (1928–2011), И.В. Нит (1929–1993), П.А. Медведев и другие, преданность идеям которых требовала мужества не только в советский период, но и в годы экономических реформ.

Обращает на себя внимание, что автор «Воспоминаний экономиста» очень часто менял места работы, и в абсолютном большинстве случаев это было связано с исчерпанием творческих перспектив, а отнюдь не с возможностями карьерного роста. «Я легкомысленно уволился из изрядно надоевшего Института повышения квалификации Минпромстройматериалов в Искитиме», «<...> я покинул Кызыл. Я счел свою задачу выполненной. Концепция была разработана. <...> Сложился <...> коллектив лаборатории. Меня уже тяготила жизнь в Кызыле», «<...> я по-прежнему числился в Институте интеллектуальных технологий и в Новосибирском университете. <...> Но я просто не мог тогда оставаться без дела» [Ханин 2020, т. 2, с. 173, 189, 226].

«Воспоминания экономиста» безусловно свидетельствуют, что автор – несомненная личность, и очень хорошо, что копилка мемуаров свидетелей советской эпохи, да и событий новейшей истории России, пополнилась столь незаурядным трудом. Основные претензии к ней носят чисто технический характер, и не столь уж важно, что описание бытовой стороны жизни – отнюдь не приоритет автора⁷. Во-первых, большое количество персон, как широко, так и менее известных, упоминаемых в книге, требует, мне кажется, именного указателя. Во-вторых, есть некоторые повторы и отсутствие четкой хронологии: чтобы понять, когда произошло то или иное событие в жизни автора, иногда приходится возвращаться назад, перелистывая порой не один десяток страниц. Но простим это: для увлекающейся натуры, каковой бесспорно является Г.И. Ханин, куда важнее не столько формальные моменты, сколько содержательные вопросы.

Десятилетия, сохранившие профессионала

Конечно, самое интересное в «Воспоминаниях экономиста» – это оценки тридцатилетнего опыта экономических реформ в России. Оценки, замечу, достаточно нелицеприятные. Сомнения в правильности выбранного пути возникли у Г.И. Ханина, когда судьба свела его с будущими реформаторами России. Абстрагируясь от персональных суждений (читатель без труда найдет их в двухтомнике), приведу лишь одну цитату: «Меня очень удивлял и даже удручал выбор “отцов” экономических реформ» [Ханин 2020, т. 2, с. 192]. Основные претензии к ним у Г.И. Ханина достаточно серьезные, и в высказывании многих из них автор двухтомника не одинок. Научная независимость и уверенность в своих убеждениях позволили ему поставить очень жесткие оценки действиям младореформаторов и тому, что происходило в России в 1990-е гг. Замечу, что критика отнюдь не перетекает в политическую пропаганду и в предложения отдать под суд лидеров России той поры. Хотя, как мне кажется, Г.И. Ханин выступает здесь не столько как профессиональный экономист и статистик, сколько как наблюдатель, что, однако, не умаляет значимости написанного им.

⁷ Маленький пример пренебрежения мелочами: «с большим трудом вспоминаю бытовые условия жизни в Академгородке в то время. <...> Конечно, дефицит был велик, но насколько, не могу вспомнить» [Ханин 2020, т. 2, с. 163].

Как и можно было предполагать, прежде всего автор оппонирует реформаторам в поле социальной составляющей реформ, во всяком случае, на первоначальном их этапе: «Тяжелейшее впечатление производили на меня последствия “шоковой терапии” на жизнь населения» [Ханин 2020, т. 2, с. 217]. Несогласие с методами реформирования в 1990-е гг. вызвало раскол в демократическом лагере, прежде объединенного стремлением к преобразованиям. Понятно было, что именно реформировать, но как, в какие сроки, какими инструментами – тут единогласия не было. Даже со своим соавтором В.Г. Селюниным у Г.И. Ханина «усиливались разногласия». Крещендо в данном случае – его симпатии к Верховному Совету в октябрьские дни 1993 г., большинство членов которого выступали «<...> за умеренно-радикальные рыночные реформы, борьбу с коррупцией и криминалитетом» [Ханин 2020, т. 2, с. 220]. Здесь трудно не поспорить с автором: у рецензента, пережившего те октябрьские дни в Москве, нет никакого сомнения в том, что бы произошло в случае победы сторонников Верховного Совета⁸. В России, всего лишь менее двух лет назад сбросившей коммунистический режим, не приученной к демократии, все закончилось бы массовыми репрессиями и приходом к власти тех, кого в исторической традиции называют «черными полковниками».

Но, повторюсь, в любых условиях Г.И. Ханин и в новейшие времена остается профессионалом, причем честным, не держащим, как это случается у многих, камень за пазухой. Достаточно назвать такие его публикации 1990-х гг., как «Российская кредитная система: фантастически дорогой и крайне неэффективный дом, построенный на песке»⁹, «Блеск и нищета российской буржуазии»¹⁰, «Стабилизация кризиса (О кризисе в экономике 1998 года)»¹¹, «Экономическая эйфория образца 2000 г.»¹². Ряд статей были опубликованы в зарубежных изданиях [Ханин 2020, т. 2, с. 332–333].

Публицистические названия статей автора практически сходят на нет в 2000-е гг. С ростом нефтяных цен, приведшим к макроэкономической стабилизации, повышением доходов населения в целом, Г.И. Ханина стали привлекать не только исследования экономики текущего момента, которых по-прежнему немало, но и поиск альтернативных моделей государственного регулирования экономики. В начале этого периода автор не отвергал в этом поиске и перспективы использования улучшенного советского опыта. Квинтэссенция оценки возможностей его применения содержится в четырех статьях, которые были опубликованы в журнале «Свободная мысль» в 2003 г. и объединены в двухтомнике под общим названием «Советское экономическое чудо 1950-х годов» [Ханин 2020, т. 1, с. 153–219]. Здесь интересны авторский подход к работе с экономической статистикой и результаты расчетов производительности труда и трудоемкости выпускаемой военной продукции в годы Второй мировой войны в основных странах-участницах, выводы о послевоенном восстановлении советской промышленности на новом

⁸ События 2020 г. в одной из граничащих с Россией стран лишний раз подтверждают мое предположение.

⁹ Ханин Г.И. (1994) Российская кредитная система: фантастически дорогой и крайне неэффективный дом, построенный на песке // Экономическое обозрение. № 4. С. 30–43.

¹⁰ Ханин Г.И. (1998) Блеск и нищета российской буржуазии // ЭКО. № 12. С. 12–25.

¹¹ Ханин Г.И. (2000) Стабилизация кризиса (О кризисе в экономике 1998 года) // ЭКО. № 3. С. 11–50.

¹² Ханин Г.И. (2000) Экономическая эйфория образца 2000 г. // ЭКО. № 9. С. 3–23.

техническом уровне, постепенном насыщении потребительского рынка. Но эта серьезная работа, как мне кажется, во многом обесценивается заключительными выводами автора, с которыми трудно согласиться. Их можно разделить на относительно нейтральные, с которыми можно спорить, исходя из отношения спорящих к так называемому обществу потребления, и на более серьезные, связанные с возможной альтернативной моделью экономики страны.

Неочевидным представляется утверждение Г.И. Ханина, что в 1950-е гг. «<...> уровень жизни населения, по западным стандартам, все еще оставался низким, но приближение к этим стандартам уже началось, и для советского населения этот период (*автор хорошо помнит по своим юношеским впечатлениям*¹³) представлялся периодом небывалого расцвета благосостояния и уменьшения товарного дефицита, по крайней мере, в крупных городах. СССР, хотя и с большим запозданием по сравнению с западными странами, вступил в эру благосостояния» [Ханин 2020, т. 1, с. 211]. Это утверждение выглядит достаточно смелым. Можно вспомнить хотя бы американскую выставку в Москве в Сокольниках летом 1959 г.: «Советские люди впервые попробовали пепси-колу, впервые увидели посудомоечные машины, другую американскую бытовую технику и даже компьютер. Там раздавали значки и яркие пластиковые пакеты, которые наши люди расхватывали, отталкивая друг друга, и потом долго пользовались, берегли. Стенды рассказывали о жизни в США, в том числе и о том, что <...> недельной зарплаты хватает на месячное пропитание всей семьи, и т. д. <...> А глава нашего государства¹⁴ <...> высмеял Никсона¹⁵: “А у вас нет такой машины, которая бы клала в рот еду и ее проталкивала? Вы показываете нам много интересных вещей, но они не необходимы. Это все лишь штучки”» [Баймухаметов 2019].

Но это, конечно, субъективная оценка, с которой можно соглашаться или не соглашаться. Дело в другом: из этой точки строится мостик к глобальным положениям, что разнообразие товаров в командной экономике объективно несопоставимо с таковым в условиях экономики рыночной. И далее – к выводу, что «<...> это разнообразие принципиально для 5–10% населения, наиболее состоятельных. Остальные готовы довольствоваться гораздо меньшим разнообразием товаров приемлемого качества, лишь бы они были в наличии по доступным ценам» [Ханин 2020, т. 1, с. 218]. А отсюда уже лежит прямая дорога к ограничению потребностей населения в общегосударственных интересах. Такое впечатление, что в 2003 г. (во время написания цикла из четырех упомянутых статей) автор не смог абстрагироваться от бытовавшей в течение многих десятилетий государственной идеологии, что СССР находится в «кольце врагов», и развитие потребительского рынка должно быть вторичным по отношению к развитию оборонной промышленности. Между тем начало 2000-х гг. относится к одним из самых спокойных периодов в позиционировании России на международной арене. А в современных условиях искушением для многих может стать заключение Г.И. Ханина, что «возврат к командной экономике представляется вполне возможным». При этом, справедливости ради, нужно отметить, что автор не предлагает дорож-

¹³ Выделено мной – С.С.

¹⁴ Н.С. Хрущев (1894–1970 гг.) – первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964 гг.).

¹⁵ Р. Никсон (1913–1994 гг.) – будущий 37-й президент США, в 1959 г. – вице-президент.

ной карты такого возврата, разумно отмечая, что «<...> ответ на вопрос о возможностях такого возврата неразрывно связан с вопросом о его политических условиях и о цене, которую готово платить за это общество. <...> Для разных слоев общества такая цена выглядит весьма по-разному» [Ханин 2020, т. 1, с. 219]. В основе таких положений лежит, как уже отмечалось, неприятие им избранного пути рыночных преобразований в России, «удручающие результаты» которых подтолкнули Г.И. Ханина к «переоценке многих явлений и событий в советской экономике» [Ханин 2020, т. 1, с. 216].

Ну и заключительный в данном случае аккорд – опубликованная в 2005 г. статья «“Оттепель” и “перестройка” начались ... при Сталине?», которую Г.И. Ханин предваряет замечанием, что он, автор, только выдвигает гипотезу, на мой взгляд, столь парадоксальную, сколь и маловероятную. Положения статьи позволяют читателю сделать вывод, что, по мнению Г.И. Ханина, якобы были открыты если не ворота, то хотя бы калитка, откуда начиналась тропа к демократизации советского общества. События, упоминаемые в статье, известны читающей публике, но здесь они собраны воедино. Первый «росток» демократии автор увидел в состоявшейся в мае-июне 1950 г. дискуссии по вопросам языкознания, во время проведения которой «<...> впервые <...> с конца 20-х годов, первоначально на равных на страницах советской печати <...> вступили в свободную <...> дискуссию два научных течения» [Ханин 2020, т. 1, с. 122]. Дискуссия эта завершилась выходом работы верховного арбитра Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». К его «заслугам» автор относит тот факт, что не поддержанные Сталиным сторонники академика Н.Я. Марра (1864–1934) не подверглись репрессиям, прежде всего, в физическом смысле; о поощрении научных дискуссий свидетельствует, согласно Г.И. Ханину, и ликвидация монополии в советской экономической науке академика Т.Д. Лысенко (1898–1976), недавнего триумфатора на августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ. Процессы «демократизации», по мнению Г.И. Ханина, происходили и в литературе. Подтверждением этого явилась публикация художественного очерка «Районные будни» В.В. Овечкина (1904–1968), критика ряда бездарных, но идейных писателей. Автор отмечает положительные изменения, происходившие в международной политике, которая проводилась в СССР (например, фактическое прекращение деятельности Коминформа, допущение возможности мирного сосуществования коммунистических и капиталистических государств, согласие на мирные переговоры по Корее, предложения по германскому урегулированию, участие СССР в 1952 г. в Олимпийских играх в Хельсинки). Наконец, в статье обращено внимание на перестройку внутрипартийной жизни, сокращение участия партии в хозяйственных делах.

Представляется, что это был просто режим ручного управления, столь характерный для государства «ордынского типа», каковым в течение столетий являлась страна. Рано или поздно наступает такой момент, когда не реагировать на внешние вызовы просто нельзя, иначе можно оказаться в роли мирового изгоя. То, что это была именно реакция на изменившуюся ситуацию, которая не влекла, да и не могла повлечь за собой никаких принципиальных изменений в условиях сталинской эпохи, подтверждается хотя бы тем, что содержательно никакой демократизации режима произойти не могло. Примеры лежат на поверхности: год 1950-й, упоминавшийся как год начала сталинской «перестройки» (дискуссия по вопросам языкознания), и в тот же год в августе были расстреляны генерал-

майоры П.Г. Понеделин (командарм-12), Н.К. Кириллов (комкор-13), И.П. Крупенников (начштаба 3-й гвардейской армии) и еще ряд генералов, попавших в начале Великой Отечественной войны в немецкие концлагеря, но не запятнавших себя сотрудничеством с врагом. Октябрь того же 1950 г. памятен вынесением двух (в Ленинграде и Москве) обвинительных приговоров по так называемому ленинградскому делу, на основании которых были расстреляны 26 человек.

Начало 1950-х гг. – это время разгула антисемитской кампании, спровоцированной Сталиным, которая не завершилась расстрелом 12 августа 1952 г. 13 членов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), в числе которых были писатели и поэты. Планировался и второй акт: подобная участь ждала, по-видимому, и обвиняемых по «делу врачей», которые, однако, были освобождены спустя всего месяц после смерти Сталина.

О продолжении вмешательства СССР во внутренние дела социалистических стран, которые воспринимались Сталиным как собственная вотчина, свидетельствуют инспирированные им политические процессы в этих странах. Так, практически сразу по завершении «демократической» дискуссии по вопросам языкознания в Чехословакии по приговору суда 27 июня 1950 г. была повешена М. Горакова, активная деятельница антифашистского сопротивления, прошедшая пять лет в немецких концлагерях и ставшая после войны главой Совета чехословацких женщин. Всего за три месяца до смерти Сталина в Чехословакии были казнены бывший Генеральный секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский и еще 10 высокопоставленных чиновников. Судебный процесс, на котором был вынесен этот приговор, также имел ярко выраженный антисемитский характер: 11 из 14 обвиняемых были евреями. В этом контексте странно выглядит оценка Г.И. Ханина, данная Сталину как «инициатору либерализации советского общества» [Ханин 2020, т. 2, с. 344].

Посему говорить, что в этих условиях могла начаться какая-либо существенная перестройка сложившегося к тому времени режима, мне кажется, нет никаких оснований, тем более, как справедливо отмечает Г.И. Ханин, «<...> экономика не относилась к этим главным изменениям» [Ханин 2020, т. 1, с. 136]. А предположение автора, что «<...> уже тогда, по-видимому, готовились те изменения в экономической политике, которые были произведены после смерти Сталина в 1953–1956 гг.», хотя и не вызывает возражений, но нуждается в существенном дополнении, что такие изменения при его жизни были невозможны. Это подтверждается резолюцией Сталина «Я – за. Но – несвоевременно» на записке, подготовленной в январе 1953 г. Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и другими ведомствами. В этом материале предлагалось предоставить большую свободу экономической деятельности министерствам, предприятиям, союзным республикам и смягчить жесткое централизованное государственное планирование [Ханин 2020, т. 1, с. 137].

Еще одним аргументом о невозможности значимых экономических реформ является следующее утверждение человека, при котором якобы могли начаться экономические реформы. Критикуя уже упоминавшихся А.В. Санину и В.Г. Венжера, которые предлагали продать машинно-тракторные станции колхозам, Сталин обобщает, выходя за пределы конкретного вопроса: «<...> Из этого получилось бы <...> расширение сферы действия товарного обращения. <...> Может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше

продвижение к коммунизму? <...> Товарное обращение несовместимо с перспективной переходом от социализма к коммунизму» [Сталин 1952, с. 215].

Однако справедливости ради замечу, что Г.И. Ханин не развивает гипотезу о Сталине как предтече перестройки. Вообще после улучшения состояния экономики России в начале-середине 2000-х гг. автор двухтомника отказывается от элементов публицистики, критики российских «младореформаторов» и вновь возвращается именно в ту область своих исследований, где он зарекомендовал себя как высокий профессионал в публикациях последних лет, некоторые из которых написаны в соавторстве с Д.А. Фоминым – научным сотрудником Института экономики Сибирского отделения РАН. В этих работах рассматриваются проблемы российской макроэкономической статистики, анализируются ее недостатки и делается, увы, не устаревший за почти три с половиной десятилетия вывод, что многие управленческие решения оказываются ошибочными потому, что принимаются на основе неверных статистических данных. Вообще, работы Г.И. Ханина последних лет сохранили за ним репутацию честного принципиального ученого, переживающего за Россию и готового отстаивать свои убеждения, невзирая на лица.

Вместе с тем многие, мягко говоря, спорные положения автора могут быть взяты на вооружение маргиналами: так, предложенный механизм сокращения доходов богатых слоев населения («Однако нет уверенности, что у российских богачей хватит этой мудрости. Поэтому приходится подумать о *насильственном*¹⁶ перераспределении доходов» [Ханин 2020, т. 2, с. 79]) вызывает ассоциации с трагическим для России 1917 г. И, конечно же, сложно солидаризироваться с позицией автора относительно возможностей возрождения социализма в России, пусть и иного характера [Ханин 2020, т. 2, с. 40–63].

Тем не менее Г.И. Ханин интересен. Как личность. Как специалист, с мнением которого можно соглашаться или, наоборот, яростно спорить (особенно в том, что связано с оценкой командной экономики, с так называемой либерализацией и перестройкой при Сталине, с упомянутым «возрождением социализма»). Но рецензируемая работа безусловно достойна прочтения, особенно ее второй, биографический том. Хоча верить, что Г.И. Ханин подарит нам еще немало новых интересных публикаций.

Литература

- Баймухаметов С. (2019) Прорыв в общество потребления: 60 лет назад открылась американская выставка в Москве // Новые Известия. 25 июня 2019 // <https://newizv.ru/news/society/25-07-2019/proryv-v-obschestvo-potrebleniya-60-let-nazad-otkrylas-amerikanskaya-vystavka-v-moskve>
- Белкин В., Переведенцев В. (1987) Драма Акчи // Литературная газета. 1 апреля 1987 // <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/010.pdf>
- Валовой Д. (1983) Поиск. Экономическая повесть. М.: Молодая гвардия.
- Валовой Д. (2002) Ослепленные властью: Экономическая повесть. М.: Республика.
- Валовой Д. (2017) О чем не думают экономисты: Научная повесть. М.: Алгоритм.

¹⁶ Выделено мной – С.С.

- Лацис О. (1987) Зачем же под руку толкать? // Новый мир. № 7. С. 266–268 // <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processlazis.htm>
- Петраков Н. (1987) Золотой червонец вчера и завтра // Новый мир. № 8. С. 205–221 // https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_08_ocr.pdf
- Попкова Л. [Пиышева Л.] (1987) Где пышнее пироги? // Новый мир. № 5. С. 239–240 // <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processpopkova.htm>
- Селюнин В., Ханин Г. (1) (1987) Лукавая цифра // Новый мир. № 2. С. 181–201 // https://vk.com/doc21934693_369961673
- Селюнин В., Ханин Г. (2) (1987) Статистика знает все? // Новый мир. № 12. С. 255–257 // https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_12_ocr.pdf
- Смирнов С.Н. (1988) Догмы и машиностроение // ЭКО. № 5. С. 41–45.
- Сталин И.В. (1952) Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат.
- Точка зрения: план или рынок? Беседа с членом-корреспондентом АН СССР С.С. Шаталыным (1987) // Аргументы и факты. 27 июня 1988 // <https://aif.ru/archive/1648724>
- Ханин Г.И. (1988) Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // Коммунист. № 17. С. 83–90.
- Ханин Г.И. (2020) Сочинения в двух томах. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Шмелев Н.П. (1987) Авансы и долги // Новый мир. № 6. С. 142–158 // https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_06_ocr.pdf

An Explorer's Path through the Eyes of His Contemporary

Book Review: Khanin G.I. (2020) *Essays in Two Volumes*, Moscow: *Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK* (in Russian).

S. SMIRNOV*

*Sergey Smirnov – DSc in Economics, Chief of the Center for Analysis of Social Programs and Risks, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 4–2, Slavyanskaya Sq., Moscow, 109074, Russian Federation. E-mail: socpol@hse.ru

Citation: Smirnov S. (2021) An Explorer's Path through the Eyes of His Contemporary. *Mir Rossii*, vol. 30, no 2, pp. 180–194 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-180-194

Abstract

Making alternative assessments of the Soviet economy and its prospects was not a safe endeavor during the entire Soviet period, but the degree of danger varied. While in the 1930s it was possible to pay with one's life for the views that did not align with the general line of the Party (as happened with Nikolai Kondratiev and Alexander Chayanov), in the relatively liberal post-Stalinist times the arsenal of the judges included only the non-approval of a specialist's dissertation. The latter is what happened to the economist

Grigorii Khanin, whose first PhD thesis was rejected by Higher Attestation Commission. Before the beginning of perestroika, his name was known only among professionals. However, after the publication of “Sly Figure” in the “Noviy Mir” Journal in 1987 (prepared in collaboration with Vasily Selyunin) Khanin became an economist whose name was familiar to the reading public and economists who discussed the country’s economic development. The book under review is a compact presentation of the author’s extensive work, accumulated over seven decades of professional activities. Of particular interest are the works on the economy and crises in the new Russia, the forecasts and alternatives of its further development, as well as honest “memoirs of an economist” included in the second volume.

Keywords: economic statistics, economic reforms, G. Khanin, socialism, reminiscence, economic outlook

References

- Baymuchametov S. (2019) Proryv v obshchestvo potrebleniya: 60 let nazad otkrylas’ amerikanskaya vystavka v Moskve [Breakthrough in the Consumer Society: 60 Years Ago, the American Exhibition Opened in Moscow]. *Novye Izvestiya*, June 25 2019. Available at: <https://newizv.ru/news/society/25-07-2019/proryv-v-obshchestvo-potrebleniya-60-let-nazad-otkrylas-amerikanskaya-vystavka-v-moskve>, accessed 20.02.2021.
- Belkin V., Perevedentsev V. (1987) Drama Akchi [Drama Akchi]. *Literaturnaya gazeta*, April 1, 1987. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedentsev/stati/010.pdf>, accessed 20.02.2021.
- Khanin G.I. (1988) Ekonomicheskij rost sovetsoj ekonomiki: al’ternativnaya otsenka [Economic Growth of the Soviet Economy: An Alternative Estimation]. *Kommunist*, no 17, pp. 83–90.
- Khanin G.I. (2020) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Essays in Two Volumes], Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Lacis O. (1987) Zachem je pod ruku tolkat’? [Why Push Your Arm?]. *Novij mir*, no 7, pp. 266–268. Available at: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processlazis.htm>, accessed 20.02.2021.
- Petrakov N. (1987) Zolotoj chervonets vchera i zavtra [Gold Chervonets Yesterday and Tomorrow]. *Novij mir*, no 8, pp. 205–221. Available at: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_08_ocr.pdf, accessed 20.02.2021.
- Popkova L. [Piyasheva L.] (1987) Gde pyshnee pirogi? [Where are The Best Pies?]. *Novij mir*, no 5, pp. 239–240. Available at: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processpopkova.htm>, accessed 20.02.2021.
- Sel’unin V., Khanin G. (1) (1987) Lukavaya tsifra [Sly Figure]. *Novij mir*, no 2, pp. 181–201. Available at: https://vk.com/doc21934693_369961673, accessed 20.02.2021.
- Sel’unin V., Khanin G. (2) (1987) Statistika znaet vse? [Does Statistics Know Everything?]. *Novij mir*, no 12, pp. 255–257. Available at: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_12_ocr.pdf, accessed 20.02.2021.
- Shmelev N.P. (1987) Avansy i dolgi [Advances and Debts]. *Novij mir*, no 6, pp. 142–158. Available at: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1987_06_ocr.pdf, accessed 20.02.2021.
- Smirnov S.N. (1988) Dogmy i mashinostroenie [Dogmas and Machine Building Industry]. *EKO*, no 5, pp. 41–45.
- Stalin I.V. (1952) *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR], Moscow: Gospolitizdat.

- Tochka zreniya: plan ili ryok ? Beseda s chlenom-korrespondentom AN SSSR S.S. Shatalinym [Point of View: Plan or Market? Conversation with Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S.S. Shatalin] (1987). *Argumenty i fakty*, June 27, 1987. Available at: <https://aif.ru/archive/1648724>, accessed 20.02.2021.
- Valovoy D. (1983) *Poisk. Ekonomicheskaya povest'* [The Search. The Economic Story], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Valovoy D. (2002) *Osleplennye vlast'yu: ekonomicheskaya povest'* [Blinded by Power: The Economic Story], Moscow: Respublika.
- Valovoy D. (2017) *O chem ne dumayut ekonomisty: nauchnaya povest'* [What Economists Don't Think About: A Scientific Novel], Moscow: Algoritm.